Марина Курилко

Зарисовки из хрущевки

СБОРНИК РАССКАЗОВ

Марина Сергеевна Курилко

Зарисовки из хрущевки

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72879812
SelfPub; 2025

Аннотация

Как часто Вы возвращаетесь к истокам? Как часто Вы вспоминаете свои первые победы, первые разбитые коленки, первую школьную любовь? Как часто Вы даете себе время вернуться в то теплое место, которое было Вашим домом?

Данная книга не будет заставлять Вас дрожать от волнения. Она не пестрит остросюжетными поворотами, от нее не будешь восклицать или плакать навзрыд.

Но она даст Вам нечто большее – она даст Вам ощущение того самого «дома», которое, возможно, Вы уже забыли. Она окунет Вас в тот светлый мир, когда самым большим горем было разбить коленки, а радостью – отсутствие каши на завтрак.

Чем может быть наполнено детство обычной советской девочки из интеллигентной семьи? Как ошибки и победы юности сформировали ее будущее? Какие тайны у бабушкиной любимой вазы? И что же скрывает внутри советская хрущевка?

Все это Вы узнаете, перевернув страницу…

Марина Курилко
Зарисовки из хрущевки

Вступление.

Во времена, описываемые в этих рассказах, я понятия не имела что такое "хрущёвка", "чешка" или "сталинка". Я была обычным советским и постсоветским ребёнком, растущим в семье, где меня окружали: мама, папа, бабушки и дедушки. Летом в эту идиллическую картину добавлялся двоюродный брат Дима, с которым я постоянно воевала, но без которого не представляла своей жизни.

Бабушка, дедушка и дядя Толик жили в трехкомнатной "хрущевке ", с проходным залом, малюсенькой кухней, ванной, совмещенной с туалетом и холодильником в коридоре. В кухне он, ну никак, не мог поместиться. Дом стоял в одном из дворов Мариуполя. Обычный, на то время, дом, населённый семьями офицеров и работниц швейной фабрики.

Мы были семьёй офицера военно-морского флота. Наш славный капитан, по велению Родины, перевёз жену библиотекаря и троих детей в Мариуполь из далёкого Владивостока. Это был мой дедушка, отец моей мамы – младшей дочери в семье.

Тенистый двор, верёвки для белья, палисадники под окнами – всё как у всех.

Лето наполняло дворы внуками, которых привозили, при-

водили, отдавали совершенно юные тогда ещё родители. И мы, утомленные школами, домашними заданиями, музыкалками и секциями, начинали просто поглощать солнце, заботу и любовь бабушек и беззаботно проживать три месяца. Из окон к обеду непременно пахло супом, компотом и котлетами. В полуденный зной во дворе нельзя было встретить ни одного ребенка – режим был свят и незыблем.

После дневного сна – полдник, потом бегом гулять во двор, до темноты.

Мы выбегали, порхали по ступенькам и лестницам, несли свою неуправляемую детскую дурь навстречу дню, вечеру, солнцу, закату, да неважно чему…

За нами всегда наблюдал кто-то взрослый, пока делались нескончаемые домашние дела – из окон. А к вечеру, наши бабушки, как дуэньи, восседали у подъездов, коршунами следя за нами и нашими играми.

Дедушки были вне этого процесса, они ждали программу " Время ", идущую каждый вечер в 21.00 по телевизору и полностью, философски, доверяя нас женщинам двора.

Мы были абсолютно счастливы, сами того не осознавая, переживая ежедневные детские драмы и трагедии, взрослея и наполняясь чем-то незримым на жизнь вперёд.

Кто бы мне тогда сказал, что эта квартира абсолютно неудобна, кухня катастрофически мала и обстановка, в целом, достаточно скромная. Да плюнуть в глаза этому лжецу! Это был Дом!

Дом, который снится мне долгие годы, вызывая щемящую тоску об утраченном.

Недавно я спросила мужа:

– А ты скучаешь по тем, кто ушёл? По тем, кого уже давно нет с нами?

Мой прагматик задумался:

– Пожалуй, уже нет. Время стерло остроту ощущений.

А я поняла, что скучаю, по ним по всем: по бабушке, дедушке, дяде Толику. Скучаю по дому, в котором жило когда-то мое беззаботное детство.

Этот сборник я посвящаю тем, кто ушёл вместе с детством. Кто сумел сделать счастливым целое поколение, невзирая на "хрущевки", перестройку, нищету и слом систем.

Вы всегда со мной, мои родные! Вы – это я, мои родители и мои дети.

Ваза.

У моей бабушки была любимая Ваза.

Нет, не антикварная, как вы, наверное, решили, не семейная ценность, передаваемая поколениями женщин из рук в руки, как младенец. Обычное такое произведение полёта фантазии советского периода, но почему-то синяя, огромная и с золотыми цветами по синим бокам.

Кто и когда подарил ей этот шедевр стеклодувов, уже и не спросить, и не узнать, не выведать за чашкой чая уютным

вечером.

Но Ваза гордо стояла посреди лакированного стола в гостиной. Называя проходной зал в хрущевке этим модным словом, я конечно же отдаю дань уважения современникам. Иначе не поймут. Не прочувствуют. Гостиная была по форме как вагон трамвая, но уютная, любимая, с диваном у стены, на котором я так сладко засыпала под боком у любимой бабушки, рассматривая рисунок на ковре. Всем же понятно, что на стене висел ковер? По-другому и быть не могло, ведь у стены спал ребенок, стена была холодной. Да и красиво это было. Ковер был узбекский, где-то и когда-то приобретённый, добытый, ещё в период жизни во Владивостоке, где мой дедушка служил военно-морским офицером, капитаном судна.

Но я отвлеклась…

Над столом с Вазой висела чудесная полка с книгами, верными моими друзьями и свидетелями всех дождливых маетных вечеров, когда телевизор показывал разве что Съезд ЦК КПСС или прелестный "Сельский час ", с захватывающими рассказами о достижениях сельского хозяйства и честными тружениками полей и нив.

Поэтому полка – моя верная соратница, подруга и портал в другие миры. Конечно же за новыми впечатлениями, пахнущими старой бумагой, тайной, типографской краской, я с упорством обезьяны лезла по столу. Опасное соседство Вазы, а большая буква здесь не случайна, меня ничуть не бес-

покоило. Что мне Ваза, когда меня ждет Вальтер Скотт с его рыцарями, карликами, воздушными дамами!

И вот, в жаркий летний полдень, загнанная со двора как упрямый баран, с целью быть накормленной и спрятанной от зноя, ну и соблюдения режима ради, я маялась и протестовала против тихого часа – верного спутника всех бестолковых и не понимающих своего счастья детей.

Спать я конечно же отказывалась. Ну помилуйте, какой дневной сон , когда тебе 10 лет! Ты полна сил, в тебя немыслимыми усилиями впихнули суп за обедом, потом второе и компот. Ты уже выстояла, выдержала битву, пряча хлеб под тарелку и за щеку, умудряясь не прожевать и не проглотить его, отстаивая факт его наличия в твоем рационе. А тут спать!

И вот, я, карабкаюсь на стол, в поисках книги, дабы скоротать ненавистный тихий час и потом с новыми силами выпорхнуть во двор к таким же, как и я бунтаркам, свободным и лёгким, открытым новым впечатлениям и эмоциям.

Лезу, игнорируя Вазу. С большой буквы пишу я это слово неспроста. В то счастливое время любая посуда, стоявшая в гостиной – была не просто посуда. Это была реликвия, это был предмет, с которого бережно стиралась пыль, который нёс в себе столько смысла. Да, вот, смотрите, у нас на столе Ваза, она прекрасна, величественна и горда. В праздник она наполнена цветами и венчает собой стол. А в будни она самодостаточна и говорит вам, случайным гостям, загляды-

вающим в комнату с жадным любопытством, что мы умеем видеть красоту в мелочах!

И, конечно, как в дурном кино, Ваза от моих гимнастических потуг, зашаталась и… грохот, звон стекла и необратимое случилось.

Как же мне было стыдно, о это чувство стыда, которому нет конца и края!

Грустные глаза бабушки, вбежавшей в комнату, понимание необратимости и какого-то неподдельного горя.

– Марина, ну скажи, ну зачем ты ползала по столу? Почему ты не попросила достать тебе любую из книг? Почему, наконец, не убрала Вазу, залезая на стол?

Что я могла ответить на это?

Конечно же я начала выть. На одной протяжной ноте, громко, душевно, так чтоб весь район слышал в открытые окна насколько мне стыдно и горько от содеянного.

Спать мне, как вы помните, не хотелось абсолютно. Расстроенная бабушка попросила меня:

– Уйди, пожалуйста, в другую комнату и просто молча полежи. Дай мне время успокоиться.

Я ушла, побрела, с ощущением груза стыда и сожалений, но почему-то не прекращая выть.

Мне казалось, что, если я заткнусь хотя бы на мгновение, она – моя любимая, чудная, звонкая и такая нестрогая бабушка не поймет насколько я расскаиваюсь в содеянном.

В тот полдень я провыла в общей сложности час или боль-

ше. Откуда только исторгались эти противные, немелодичные, трубные вопли? Откуда хватало сил каяться в процессе, на все лады, применяя достаточно богатый словарный запас?

– Простиииииии меняаааааа! Я не хотелаааааааа! Бабулечкаааааа! – самозабвенно орала я из спальни.

– Ты же добраяаааа, я же люблю тебяаааааа! Мама купиииит тебе новую вазу, еще красивееееееее!

И так далее…

Бедная моя бабушка. Как ты выдержала эту покаянную арию малолетней идиотки так долго?

Вазу склеили, повернули к зрителям целым боком, но она превратилась в постоянного свидетеля моего позора. Я конечно же снова и снова лезла на стол, но уже бережно снимая с него жертву своей скуки и дурости.

Тени.

В то славное время была очень популярна дворовая игра "Казаки – разбойники ". И, хотя меня никогда не брали в неё мальчишки из нашего двора, и среди них предатель брат, попытаюсь объяснить суть игры так, как видела её я.

Они делились на две команды, ждали этого момента, кстати, целый день. Потом весь вечер, вызывая во мне чёрную зависть, бегали по кустам, орали, прятались и искали то казаков, то разбойников. Пробегая мимо, вопрошали:

– Мелкая, ты не видела здесь такого-то? Не пробегал?

Я гордо отвечала, что дескать никого не видела. Подска-

зывала только брату, все-таки родной человек, хоть и сволочь ещё та.

За "мелкую " было обидно. Переполняли эмоции из разряда:

– Вот я еще всем вам покажу! Вот вы увидите какая я красивая и взрослая! Ахнете, а я и смотреть на вас, идиотов, не буду!

И вот, мой звёздный час настал!

В незапамятные времена у нас во дворе построили и заселили так называемый горкомовский дом. Трёхэтажный, странной планировки, нетипичный. Понятия не имела тогда, что такое Горком Партии, просто называла дом, как и все жители двора. И приезжала на лето в этот дом то ли к бабушке, то ли к тетке девочка Катька. Именно Катька, не Катя, не Катерина, не Катюша. Катька!

Конечно же мы дружили. Она будоражила мой мир бунтарским духом и вдохновляла меня на эксперименты.

Уже не помню где и как мы с Катькой умудрились на карманные деньги прикупить тени для век. Доступен нам был только " Книжный " на углу дома, Овощной магазин и ларек Союз печать. Видимо в одно из этих мест чудом завезли косметику.

А в моем детстве купить косметику уже было целым событием, её просто не продавали. Наши бедные мамы "доставали" все какими-то дикими многоходовками и тайными тропами.

Примите мои нескончаемые оды, поколение советских мам! Только сейчас понимаю, каким чудом вы умудрялись так шикарно выглядеть, при наличии в магазинах детского крема " Красная шапочка", тонального крема "Балет" и Ленинградской туши для ресниц.

Итак, летний день, Катька, я и тени для век. Пластиковая коробочка, разделённая на четыре части: розовые, голубые, белые и серые. Все с немыслимо крупным пигментом и содержанием перламутра. Как они сияли и манили! Кисточки не было и в помине. Но кого это могло остановить?

Лавочка, двор, на фоне носятся эти, с позволения сказать, банды казаков и их противники. Но нам не до их жалких пряталок. Сами они малолетки. Пффф!

Зеркала нет, но есть пальцы и брезжит уже что-то на горизонте прекрасное.

– Давай ты накрасишь меня, а я тебя? Так будет красивее, тебе же виднее!

–Давай! Каким тебя цветом?

– Мажь голубым, у меня глаза голубые, бабушка говорила. Под глаза.

Мажет… Потные детские пальчики щедро наносят перламутровое безумие.

– А тебя каким?

– Розовым! Он такой красивый!

– Тогда и мне розового добавь!

Волновались мы тогда знатно. Устали и упрели. А вдруг

мало, а вдруг незаметно будет? Наносили, не скупясь. Останавливало одно – нужно сберечь тени, не потратить все на один макияж. Лето долгое, хочется каждый день красивыми ходить.

Накрасились! Сидим на лавочке. Ждем оваций.

И как-то мы совершенно забыли, что вместе с тенями, по привычке вынесли во двор играть своих кукол. Возраст оправдывал это, нам было лет по 10-11. Да, тогда девочки этого возраста еще играли в куклы! А что нам было делать в эпоху отсутствия гаджетов? Посидели в тенях две дылды, никто не упал в обморок, пробегая мимо, никто не остановился и не бросил к ногам признания в любви. Слепые, далекие люди. Что с них взять?

– Завтра нужно сильней накраситься. Я карандаш ещё стащу чёрный, брови сделаем! – не унывала Катька.

А пока, ну скучно же ждать оваций, поиграем-ка мы в куклы.

Много лет спустя мама, смеясь, рассказала мне:

– Звонит мне на работу бабушка.

– Галя, ты бы видела этих принцесс! Сидят на лавочке, высоченные уже девицы, в руках по кукле, вытащили посуду, мебель кукольную, лопочут что-то там в игре. А на веках голубые с розовым тени аж до висков размазаны, сияют на весь двор.

– Отмывать пришлось на ночь с мылом эту визажистку! Вся переливалась, как шар новогодний.

Красота – страшная сила, но иногда и она бессильна против черствости мальчишеского племени.

Женечка.

Мы были обычными советскими девочками. Из полных или неполных семей. С бабушками, дедушками, братьями и сёстрами, родными и двоюродными. С тётками и дядьями. Со всезнающими соседками, продавщицами из магазина на углу и всеми теми, окружающими нас взрослыми, которые формировали нас в то непростое для страны время. Но кто бы нам сказал, что время нашего детства было непростым. Для нас оно было ярким, радостным, горестным, разным, но только не трудным. Как может быть плохо, когда каждое утро тебя ждут куклы, книги, подружки, дворы, залитые солнцем или промытые дождем, вредные, но такие интересные мальчишки и бесконечные каникулы!

Где вы теперь, мои "девочки из бабушкиного двора"? Где вы, верные и не очень, подружки, легкокрылые дурынды, не знающие ничего о пубертате и социальных сетях? Пройду мимо и не узнаю, не захочу узнавать в таких же, как и я тётках, моих соратниц по обрыванию клумб, по воспитанию кукол и доведению бабушек до истерик. Пусть девочки-сойки, девочки-ласточки останутся в том лете, в том дворе, в закоулках моей памяти и сердца.

Оставим лирику поэтам… Рассказ вовсе не об этом. Он посвящён формированию личности и самоопределению. Да,

тема острая и модная и я не останусь в стороне, среди незакрытых гештальтов и непроработанных, неосознанных дам.

Появилась у меня в лето моего 11-ти летия новая подружка – Женечка. Девочка как-то сама по себе возникла, хотя жила не в нашем дворе, а в домах по пути в булочную. Ну появилась и хорошо, свежая кровь всегда радовала мой пытливый ум и открытое сердце.

И давай мы дружить! Общаться, аккуратно знакомиться, чинно расхаживая по двору. Хоть убейте меня, но я не помню, о чем мы тогда говорили и что нас волновало. Но дружили мы где-то второй день к ряду, когда произошло это событие. Захотелось нам, конечно же, попить водички. Моя бабушка жила на первом этаже пятиэтажки и двери в нашу квартиру закрывались на замок только на ночь. Потому что целый день мы с братом курсировали туда-сюда по своим важным делам, а наличие швейцара советская семья не предполага ну никак.

Пить мы, конечно же, пошли ко мне.

– Бабушка! Бабуля! Мы пить хотим! Тут я и Женя! Это моя подруга из соседнего двора!

Ну того, который как за хлебом идти!

Бабуль, дай нам водички, чтоб мы не разувались!

Бабушка выплыла в коридор, дабы рентгеном серых глаз оценить с кем там сдружилась её легковерная внучка.

Мы топтались на пороге. Я не могла скрыть радости от обладания новой подругой, каждый мой нерв, мускул трепе-

тал от радости.

Знала бы я слово "метаморфозы " тогда! Вот бы я удачно его применила на радость дедушке, ярому ревнителю русского литературного языка в быту.

Расплескивая восторг и радость, я поворачиваюсь к новой подружке и что я вижу? Эта, с позволения сказать подружка, на моих глазах превратилась в робкую, тихую, застенчивую мышку. Мышка прошептала:

– Здравствуйте, Клавдия Тимофеевна.

Откуда только знала или вспомнила как зовут мою бабушку?

Где задор молодецкий, где звонкость девичья? Что это за шелест изо рта девочки-подростка?

– А мы пить захотели, но я говорила Марине, что мне неудобно к вам идти. Мне же не сложно сходить домой, а потом снова прийти в ваш двор. Если конечно отпустят…

– Мне так неловко вас беспокоить.

И косюлька на затылке так мило покачивается, как хвостик виляет в такт словам.

Не поняла я тогда всей силы коварства этой юной мышки. Напившись кипяченой водички, продолжила я гулять по двору с Женечкой.

А вот, вернувшись домой…

– Марина, какая хорошая девочка, эта твоя новая подружка! Такая скромная, воспитанная, застенчивая.

– Мариночка, ты дружи с Женечкой, она такая милая, та-

кая тихая, вот бы и тебе от неё научится так себя вести.

– Ах какая густая у Женечки коса, волосы, хоть и прямые, но такие красивые!

Ну, знаете ли, этого я уже выдержать не могла. Мои буйные кудри в эпоху отсутствия бальзамов для волос, были притчей во языцех всего двора. Когда меня расчесывали и заплетали по утрам, весь дом знал: " Марина на улицу собирается. Скоро выйдет. "

Я орала так, что птицы притихали в ветвях. Мне нравились косы и сложные прически, но за это приходилось платить ежеутренней пыткой расческой.

И вот, моя собственная бабушка, которая должна восхищаться мной и только мной, очарована какой-то Женечкой. И я, лучшая из внучек, лучшая из дочерей (а я и правда так считала), должна менять себя и становиться похожей на эту мышь!

– Не приходит она к нам во двор, бабушка. Не хочет или не пускают её. Не знаю.

И звать её никогда больше не буду, но об этом никому не скажу. Пусть шепчет там, у себя во дворе и присваивает себе чьих-то других бабушек!

Изменить что-то в себе, мне, конечно же, тогда даже в голову не пришло.

Как в кино!

Сколько лет было вашим родителям в далекие 80-е? Мо-

им не было и 30, но они казались мне ужасно взрослыми! Такие серьёзные, работающие: экономистом – мама и инженером – папа. Контролирующие режим, мое питание, одежду, школу, уроки и, вообще, такие воспитывающие и наставляющие.

Сейчас я пишу эти строки в элегантном возрасте 40 плюс и понимаю, какие же они тогда были юные, неопытные, только начинающие жить юноша и девушка.

Встретились герои моего рассказа в нежные 16 лет на тематическом балу в честь празднования Нового года.

Встретились и… расстались до далёкого марта. А все потому что, он – герой моего рассказа, молчал! Молча танцевал, молча проводил, молча обожал, молча исчез на горизонте. Бедный, что ещё он мог, в свои 16 лет рядом с вихрем чёрных кудрей, омутом серых глаз, облаком "Красной Москвы"? Молчать, только молчать, не спугнуть, не верить своему везению, своей комете – удаче, махнувшей хвостом в тот зимний вечер.

Но судьба – дама настойчивая, и спустя три месяца мои родители снова встретились уже на праздновании 8 марта. Встретились, чтобы уже не разлучаться вопреки статистике, трудным временам, сломам систем и эпох. Нужно отметить, что отец, по внешним данным не уступал своей избраннице: шоколад глаз, волна модных на то время каштановых локонов, два поджарых метра скрытой силы и томный излом губ. Да, поверьте, я не преувеличиваю внешние данные моих ро-

дителей – эта пара достойна кисти живописца, ну или хотя бы плёнки оператора.

И вот, пройдя испытания учебой в разных городах, покорив воздушное пространство между Мариуполем и Питером, отстояв свою любовь у родителей, студенческой нищеты и зависти друзей, эти чудесные люди пустили в мир меня.

И жили мы долго и счастливо, лет так шесть и тут наступило лето. Носилась я тем летом по вечернему двору, воспетой в сборнике хрущевки, как и десятки таких же орущих отпрысков советских семей.

Вдоль наших пятиэтажек пролегала асфальтовая дорожка, вход на которую был с улицы и прекрасно просматривался. Абсолютно не помню, что именно я тогда делала, помню только ощущения:" Некогда стоять, нужно бежать! Нельзя тихо, хочется вопить, смеяться, снова бежать! А то скоро ночь, загонят ведь спать, времени все меньше! "

И тут, в конце дорожки появляется пара молодых людей. Он высок и черноок, в летнем, лёгком, бежевом, а она… Она на каблуках, в чем-то прелестном, белом, ажурном, под поясок. Да монашки кармелитки заплакали бы от зависти, глядя на эти кружева!

Двор зашептал, пошел волной, тихим рокотом:

– Марин, смотри, твои родители! Ой, какие красивые! А мама, мама, как актриса из кино! А какое платье, девочки! А босоножки!

– Ой какие у тебя родители молодые! Ничего себе!

Да, я купалась в лучах славы, тем знойным вечером. Я впитывала восторги как губка. Да, я была дочерью киноактрисы, да что там, я сама была уже знаменита и любима публикой.

Я даже перестала скакать как бешеная коза, подбежала к родителям и радостно потащила их к бабушке. Скорей! Скорей! Пусть и она наполнится этим счастьем созерцания!

Бабушка, несущая вечерний дозор за отпрысками, почему-то побледнела.

– Это она, наверное, от радости! Маму увидела в новом платье, не может поверить, что такая красота существует! - бесхитростно думала я.

И тут бабушка как-то странно зашептала, зашипела практически, и уволокла моих кинозвезд домой.

– Ну и ладно! Не хочет при соседях, наверное, хвалить. У них-то дочки некрасивые, толстые. – как-то между делом рассуждала я, не прекращая Броуновское движение детских игр.

Через каких-то пол часа из подъезда вышли мои заметно посмурневшие родители и растворились в летнем сумраке, под завистливые вздохи соседских детей.

И только спустя много лет я узнала от мамы, какая драма развернулась в стенах квартиры:

– Галя! Что на тебе за платье?

– Нравится, мам? Сергей уговорил надеть, жарко, а тут кружева.

– Да оно же абсолютно прозрачное! Белье просвечивается!!!!

– Ну мам, ну белье в тон, красиво же. А в комбинации под платьем так жарко и некрасиво.

– Ты никуда отсюда не выйдешь, пока не переоденешься или не подденешь комбинацию! Боже, что подумают люди, какой стыд! И весь дом, весь, как назло, торчал на улице!

Ах эти детали женского туалета, именуемые комбинациями. Эти изобретения швейной промышленности. Вы, наверное, представили себе гладкий, струящийся шёлк соблазнительного неглиже? Забудьте! Представьте себе, что кто-то безумный решил раз и навсегда отказаться от растительного и животного сырья и делать ткани только путём безумных химических опытов. И вот, венец творения этого сумасшедшего учёного – синтетическая ткань, из которой и шили этот шедевр. Она заставит чесаться даже тех, кто игнорирует укусы комаров или никогда не знал аллергического зуда. Она нежнее стекла, но что-то родственное у них все же присутствовало. Теперь гордо назовите это: " комбинашка ", наденьте и идите, танцуя в летний закат. Представили?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.